

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

SUB SPECIE
AETERNITATIS,
ИЛИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ВЕЧНОСТИ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Sub specie aeternitatis, или с точки зрения вечности / Н. Бердяев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 486 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-73032-7

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis, или с точки зрения вечности».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-73032-7

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

О РЕАЛИЗМЕ	5
БОРЬБА ЗА ИДЕАЛИЗМ	11
К ФИЛОСОФИИ ТРАГЕДИИ	45
ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОГО ИДЕАЛИЗМА	71
КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	113
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕЛИГИОЗНОГО БРОЖЕНИЯ В РОССИИ	151
О НОВОМ РУССКОМ ИДЕАЛИЗМЕ	171
А. С. ХОМЯКОВ КАК ФИЛОСОФ	213
Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И Б. Н. ЧИЧЕРИН	221
ОТВЕТ КРИТИКАМ	239
СУДЬБА РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА	253
КАТЕХИЗИС МАРКСИЗМА	263
ТРАГЕДИЯ И ОБЫДЕННОСТЬ	275
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА	307
КРИЗИС РАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	323

К. ЛЕОНТЬЕВ – ФИЛОСОФ РЕАКЦИОННОЙ РОМАНТИКИ	339
В ЗАЩИТУ СЛОВА	371
О НОВОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ	375
РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА	415
К ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ РУССКОГО МАРКСИЗМА	423
РУССКАЯ ЖИРОНДА	433
О ПУТЯХ ПОЛИТИКИ	441
ДЕМОКРАТИЯ И МЕЩАНСТВО	457
О НАРОДНОЙ ВОЛЕ	465
РАЗУМ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ	475

О РЕАЛИЗМЕ

Вместо предисловия

Я решаюсь издать свои опыты за последние шесть лет, хотя живо чувствую их несовершенство, отрывочность, неясность внутренней связи. Печатаю статьи в почти неизменном виде и в хронологической последовательности. Знаю, что будут обвинять меня в противоречиях, изменчивости, непоследовательности... Вот я и хочу сказать несколько слов об этих кажущихся противоречиях и о действительном внутреннем единстве и последовательности исканий, сказавшихся в моих статьях. Прежде всего имею в виду единство психологическое, последовательность субъективную, т. е. связь наиреальнейшую.

Думается мне, что в отрывочных, недостаточно обработанных статьях этих, от первой и до последней, проходит одно желание — разгадать смысл жизни, жизни личной и мировой, одна мечта — о новой культуре и новой общественности. Раздвоение и кризис души, отразившийся в этой книге, быть может интересен не для одного меня. Реальный выход из этого раздвоения и кризиса мне всегда виделся только религиозный и все проблемы бытия в последнем пределе своем сводились к проблеме религиозной, хотя рассматривать их я пытался философски. Когда не обладаешь еще мудростью, то остается любить мудрость, т. е. быть философом. Последняя же мудрость и реальная сила дается лишь в религиозном гнозисе. Прошу прощения у академиков, что философия не была для меня «отвлеченным началом», что она реально связывалась с живым отношением личности к культуре и общественности, и у общественников, у всех социально-верующих, что общественность, социальность тоже не была для меня «отвлеченным началом», подчинялась творческим целям личности и смыслу мира. Тяжба с «отвлеченными»

философами и «отвлеченными» публицистами, с рационалистами, оторванными от живой, реальной полноты бытия, решится не в «отвлеченных» департаментах науки, политики, и пр. и пр., а в неведомой им высшей инстанции, в откровениях Логоса.

Но есть в этих опытах и объективная, логическая последовательность внутреннего движения идей. Думается мне, что не шатаюсь я в них в разные стороны, а двигаюсь к определенной разумной, осмысливающей мир цели. В книге этой я вижу постепенное освобождение от могущественных идейных течений нашей эпохи: марксизма, кантианства и ницшеанства. Много места мною уделено критике марксизма и кантианства, с которыми в первых статьях я еще связан. Затем чрез индивидуалистическое обобщение и декадентский разрыв я перехожу к совершенно иному обоснованию проблем, поставленных вначале. Тот порядок идей, к которому я тяготею, во всех своих частях лучше всего характеризуется словами — мистический реализм. «Идеализм», который в первой своей статье я признал боевым кличем и который был принят течением, связанным с «Проблемами идеализма», есть переходное состояние. «Идеализм» был хорош для первоначальной критики марксизма и позитивизма, но в нем нет ничего творческого, остановиться на нем нельзя, это было бы не реально и не религиозно. И вот часть «идеалистов» идет дальше к мистицизму, соединяется с течением, имевшим иные истоки, переходит от идеалистических отвлеченностей к мистическим реальностям. Раз явилось ощущение и сознание мистических реальностей, кончается царство иллюзионизма, позитивистического, идеалистического или романтического, начинается новая эра. Я должен знать, из чего состоит мир, из каких реальных вещей, определить к ним свое отношение, свести с реальностями счеты. Я не могу уже быть нигилистом, не могу мистику подменять мистификацией. Поэтому мне нужно метафизическое и религиозное знание. Поэтому и политику свою и свой идеал общественности я должен строить на реально-мистических, т. е. религиозных основаниях.

Потеря ощущения реальностей, разобщение с глубиной бытия — вот сущность нашей эпохи, вот в чем кризис современного сознания. Эта потеря чувствуется и в философии, и в политике, и в искусстве, и во всей современной жизни, протекающей в призрачном царстве феноменов. Все еще властвующий над нами позитивизм в корне отрицает реальности, объявляет бытие метафизическим призраком, признает только феноменальности, процессы, состояния сознания, приводит к безысходному иллюзионизму. Идеализм во всех его неокритических формах тоже не выводит нас из царства иллюзионизма, даже закрепляет его, признает только нормы, идеи, состояния сознания, а не бытие.

Позитивная социал-демократия укрепляет мнимое бытие, иллюзию феноменального мира и в уже видимом пределе своем ведет к небытию, уже чувствуется в ней религия веселого небуддизма. Все — разорвано, раздроблено, «отвлеченно», все призрачно и плоско. Реальна лишь тоска по всеединству, по бытию конкретному, индивидуальному и абсолютному. Мы прошли через романтическое томление.

Но «реализм» начинается с признания самого себя мистической реальностью, с реального самоощущения и самосознания. Индивидуализм-солипсизм даже реальности я не может признать. Но раз я — мистико-метафизическая реальность, то отсюда уже неизбежен переход к реальности других я, реальности Бога, реальности дьявола; мир живет, кровь течет в его жилах, все опять реально существует.

Мы переходим от позитивистического, идеалистического и иного небытия, к бытию метафизическому и мистическому. Тогда я и познание понимаю реально, т. е. как мое соединение, а не разъединение с миром, с бытием. Но метафизическое знание реально соединяет нас с бытием не в отвлеченном, рационалистическом его виде, а как часть полного религиозного гнозиса. Наша мистика тяготеет к религии, т. е. к определенному взаимоотношению с мистическими реальностями мира, мистика хочет быть зрячей, постигнуть смысл мира. Все нити схо-

дятся в центральной идее Логоса. Наша политика должна прозреть мистические реальности под историческими феноменальностями, должна связать свои цели с религиозным смыслом мира. С самоощущения и самосознания личности, как мистической реальности, начинается реальное знание, реальное религиозное откровение и действие, реальное творчество. От победы реализма, от преодоления мнимой, кажущейся, иллюзорной реальности позитивного мира зависит культурное и религиозное возрождение и истинное освобождение. Мистический реализм ведет не к статическому догматизму, а к догматизму динамическому, всегда движущемуся, творческому без границ, прозревающему и преображающему. Живая и реальная мистика всегда должна что-нибудь открывать, что-нибудь утверждать, должна опыты производить и рассказывать об испытанном и увиденном, она «догматична» во имя движения, чтобы движение действительно было, чтобы в движении реально что-нибудь происходило. Адогматизм, не разрешающий нам двигаться, открывать и утверждать, восстающий против всякого прозрения смысла вещей, против всякого творческого «да», — всегда догматичен, всегда застойен. В модной «адогматической» мистике нет движения вперед, нет реализма, хочет она навеки закрепить слепоту и иллюзорность переживаний и странно подобна она своему антиподу — старому догматизму. Не понимают, что религиозное откровение, — открывание, должно продолжаться, и творчество религиозное не имеет границ лишь тогда, если в прошлом что-то открывалось, если в будущем что-то откроется. А творить из ничего — нельзя. Религия есть зрячая и реальная мистика.

Реальная и зрячая мистика не может оставаться индивидуальным, скрытным от мира переживанием, она должна мир завоевать, миром управлять. Религия должна быть конкретной, чувственной, с живой историей связанной, к живой политике обязывающей, или религии никогда не было и никогда не будет как реальности. Мне не нужна религия, которая не имеет никакого отношения ко всей полноте жизни, к историческому про-

цессу, к будущему человеческой общности. Да и никому такая религия не нужна, так как религия не отдельный уголок индивидуальных переживаний, которыми каждый по-своему утешается, а реальное дело спасения человечества и мира, победы над смертью и небытием, утверждения личности в бытии абсолютном, утверждения жизни вечной и богатой. Мы приходим к отрицанию только человеческих, рационалистических, отвлеченно-политических и отвлеченно-моральных путей спасения и утверждаем путь благочеловеческий. Острая постановка проблемы социализма и анархизма обнажает религиозный смысл всемирной истории, помогает нам отвергнуть соблазн Великого Инквизитора— насильственное устройство царства земного, в котором благополучию и спокойствию будут принесены в жертву свобода и вечность.

Моя первая и последняя мысль — неизменная мысль о личности, об освобождении. Ищу путей к ее вселенскому утверждению, к соединению с мировым Логосом.

Я подхожу в своих статьях к Богочеловечеству, воплощению Духа в общности, мистическому союзу любви и свободы. От марксистской лжесоборности, от декадентско-романтического индивидуализма иду к соборности мистического неохристианства.

С.-Петербург, 25 февраля, 1906 г.

